

Калатозов Михаил

Исполняется 80 лет со дня рождения народного артиста СССР Михаила Калатозова.

В истории классических искусств есть немало поэтов, художников, архитекторов, которыми принесло славу только одно, но зато всеизвестное, покоряющее века произведение.

Калатозов — «Летят журавли». Людям нескольких поколений вполне достаточно этой короткой справки, чтобы возникло ощущение, что имеешь представление об устремлениях режиссера Михаила Константиновича Калатозова. Между тем они могут не знать, что Калато-

зю своему особенно поэтическим и взволнованным.

Как свидетель, которому довелось от начала до конца наблюдать все этапы работы над этой картиной, сегодня я прежде всего должен сказать о том, сколь целеустремленна и не похожа на стандартный кинодень была каждая минута съемок. Вместе с оператором С. Урусевским Калатозов отыскивал для каждого самого будничного мгновения какое-то особое, сугубо экранное отображение.

Вспомните эпизод ухода добровольцев, который множество раз цитировался и цитируется по

открыто драматически. Движения камеры делаются все порывистее, все напряженнее, она будто пытается помочь этим людям найти друг друга, и постепенно приближается к позиции их взглядов, которые, кажется, вот-вот столкнутся. Нам и времени не остается подумать: с ее или его точки зрения показан мелькнувший на экране план — настолько вы уже втянуты внутрь эпизода, в самую суть события. Кажется, ты и сам ощущаешь эту боль разлуки, эту нелепую жестокость судьбы, так и не позволившую им сказать последние слова.

ЖУРАВЛИ ЕГО СЛАВЫ

зов — это прекрасно начинающий свою творческую судьбу оператор, а затем режиссер фильмов о Чкалове и об освоении целины, первой картины о Кубе, постановщик итало-советской ленты «Красная палатка», создатель глубоко психологического фильма «Неотправленное письмо»... Даже среди тех, кто работал рядом с Михаилом Константиновичем, немногие знают о его почти фантастическом увлечении радиотехникой, о бесчисленных и неустанных поисках каких-то железок и ламп, с помощью которых рождались в тиши его дома, в пуганице разложенных по комнате проводов особое звучание или способы магнитного сведения музыки и речи.

Для почитателей картины «Летят журавли», для тех, кто когда-то увидел в ней трепетное отражение своей судьбы, жизнь Калатозова, этого всегда подтянутого, внешне чрезвычайно сдержанного человека, кажется теперь неким обрамлением того, что связано с фильмом, действительно всемирно известным, навсегда вошедшим в хрестоматию по истории советского кино, с фильмом даже по назва-

сей день в самых разных случаях. Разве до этого мы не видели массовых сцен, где людей в десятки раз больше, разве впервые толпа и шеренги бойцов сняты с верхней точки?

Будучи скупой, скорее документально, чем эффектно кинематографически построена на довольно простых, как бы случайных, отрывисто сказанных репликах, эта сцена снималась очень сложными, далеко не хроникальными кусками. В отличие от строгой точности природы, даже скорее вразрез с ней, здесь все подчинено пристрастно взволнованному взгляду камеры, вырывавшему из этой подлинной среды только то, что касалось драмы двух, в общем-то, ничем особо не отличимых людей. Все сложнейшие по тем временам перемещения аппарата были обязательно замативированы и органически связаны с поведением этих персонажей.

Поначалу все снимается вроде бы совершенно свободно и беспристрастно, но тема несостоявшейся встречи звучит так определенно и так быстро разрастается, захватывая внимание зрителя, что уже к моменту появления героини она звучит

Таким вот образом из «простых» кусочков и «нечаянно» возникающих ракурсов складывалось нечто большее, наиважнейшее, а именно позиция автора, режиссера, оператора, позиция художника. Только истинное творческое доверие и взаимопонимание могут породить в кино столь определенную единую позицию и столь увлекательно одухотворенные задачи для повседневной работы, какие были во время съемок «Журавлей».

Сегодня если даже очень захотеть и со всей силой тянуть разные стороны, то все-таки не разорвать работу Калатозова и Урусевского на отдельные собственно операторские и режиссерские части. Подобно кирпичам в старинной кладке, здесь сотни усилий, находок, откровенный срослись в один монолит. В это время Калатозов настолько дружно и счастливо работал с Урусевским, что теперь рассуждать о том, кто из них первым предложил пробег актера или проезд камеры, просто бессмысленно. Решение и развитие эпизодов, мизансцены, ритм диалога, даже шумовой и музыкальный ряды определялись ха-

рактером будущего изображения, и все, начиная от конструкции декорации и кончая записью шагов по лестнице, подчинялось единому, чисто кинематографическому взгляду, пластическому решению только этой картины...

Сегодня, когда фильм в третий раз возвращается на экран, а я в сотый или тысячный раз смотрю знакомые кадры, чувство безграничной благодарности вновь и вновь охватывает меня. Я благодарю Михаила Констан-

тиновича Калатозова за то, что он позвал и выбрал меня. Благодарю судьбу за то, что это приглашение, а потом картина подарили мне дружбу с ним и Урусевским. Благодарю за то, что почти сразу и навсегда был допущен ко всем делам, неудачам, сомнениям и мечтам, которые постепенно, но неуклонно и чудесно складывались в то, что теперь стало фильмом «Летят журавли».

Алексей БАТАЛОВ,
народный артист СССР.

Соб. архивы, 1984, 9, 3, стр.